



Цена 20 коп.

Индекс 72996

СТАНИСЛАВ ПЕСТОВ

СПАСИТЕ НАШИ ТУШИ!



БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

3
(944)

ISSN 0132—2141



Дружеский шарж К. КУКСО

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 3

Неправильно
и неправильно
художнику это
Книга - соавтору
Сергееву Огородни-
кову от автора

Станислав ПЕСТОВ

СПАСИТЕ НАШИ ТУШИ!

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1984



ОСЕЧКА

Семен Елистратов, известный всей деревне своим прозвищем «санитар стола», жалобил собравшихся в курилке механизаторов слезными разговорами о здоровье матери.

— Уж не меня, а бога просит старуха свежей рыбки отведать в последние свои денечки... Свез бы кто в Сырую балку за высоковольтной. Место я там одно знаю. Красноперку, подлещика мешками можно таскать, а уж про плотву и говорить не буду. Ну? Славяне?

— Брат Митька помирает, ухи просит... — голосом генеральского денщика из кинофильма «Чапаев» передразнил Семена тракторист Беспалов и, хлопнув дверью, вышел из курилки.

Кому в деревне не было известно, что вся забота Елистратова о своей старухе сводилась к одной лишь кривобокой татуировке на руке «Не забуду мать родную»? Совершенно бесполезно было «матери родной» упросить Семена вспахать ей огород или на зиму дровец заготовить; если б не сосед Беспалов, не известно, как выкручивалась бы она на свою маленькую пенсию.

Зато уму непостижимо — какое было чутье у Елистратова на дармовую выпивку. Дед Макар только со старухой своей обговорил в пятницу вечером, как бы зарезать и сдать бычка, а уж утром в субботу ломился в двери Семен Елистратов.

— Куда Макар телят не гонял? — гоготал он, вынимая оселок и охотничий нож, и сам же отвечал: — В заготскот! А куда свою старуху не гонял? А поди в магазин, за косорыловкой?

Семен шел с дедом резать и разделывать скотину, на что он был великий и непревзойденный мастер, а Макарова старуха, вздыхая, пересчитывала рубли и отправлялась за первой бутылкой...

И вот таким манером, как общественная повинность, налагаемая на каждый бражный двор, кочевал по избам Семен, везде попевая на именины, свадьбу, поминки. И уже ниоткуда не уходил до самого конца, пока не добирал последний глоток застольного зелья.

В ту пору в моду вошла забота о волках. По телевизору и в журналах стали расхваливать этого разбойника за его «санитарные» обязанности в лесу — подбирать и доедать больную и полуживую дичь, якобы спасая остальную тем самым от распространения заразы. Мужики только посмеивались над этими учеными затеями — на памяти были еще времена, когда в каждом дворе табунилась скотина, и не проходило недели, чтобы лесные бандиты не порезали десяток овец, а то и телку...

И как-то сразу, сейчас и не упомнишь, кто первый придумал — вероятно, многим пришло в голову такое сравнение — стали втихую сначала, потом уж открыто звать Елистратова «санитаром стола».

А может, и не только застольные подвиги Семена были причиной этого прозвища. Известен был он еще как лютой жадности охотник, хотя язык с трудом поворачивался у односельчан называть его охотником — скорее добытчиком. Замучился егерь Порфирьевич составлять на него протоколы и конфисковывать награбленное в лесу добро. То тетерево, ночующих под снегом, начнет вылавливать сачком или сетями, то зайцев на озимях слепить мотоциклетной фарой...

Стали бояться с ним вместе в лес ходить — непременно в какую-нибудь историю втравит, если не соучастником, то свидетелем будешь числиться...

Только Митяй — шофер молоковоза, парень беззаботный и маленько безалаберный — клонул нынче на рыбную приманку. До смерти не хотелось ему копать в своем огороде картошку, потому рад был сбегать Митяй от домашней работы на рыбалку.

— Только на кой леший нам машина? — спрашивал Митяй Елистратова. — До той Сырой балки ходу полверсты всего...

— Тихо ты, дурья башка! — Семен схватил Митяя за пуговицу фуфайки и потянул его за угол сарая. — Сколько в твою цистерну рыбы войдет?

— Да тонны две с гаком...

— То-то, что с гаком. А теперь сообрази — если цистерну с рыбой в город да по рублю килограмм пустить?

— Так молоко потом рыбой же вонять будет...

— А тебе пить его, что ли? — удивился Елистратов. — Давай заводи и огородами катись к стройплощадке, насос там захватим.

...Лихо объезжая лужи и колдобины на лесной дороге, натужно — чуть ли не до скрипа мозгов в черепной коробке — силился сообразить Митяй, где возьмут они такую прорву рыбы. Есть, конечно, в Сырой балке два пруда, разделенных между собой дамбой — по ней давно уже проложили насыпную дорогу. И рыбы пропасть в этих двух прудах, но столько под водой поваленных деревьев и коряг, что ни сетью, ни тем более бреднем туда не сунуться, иначе давно бы уж Елистратов все выцедил...

И только когда поставили привезенный насос на дамбу и Елистратов, опустив насосные рукава в пруды по разные стороны дороги, завел стрекочущий насос, начал Митяй потихоньку постигать тайну елистратовой стратегии.

«Вона, чо удумал, — внутренне холодеет от грандиозности масштабов операции, соображал Митяй, — хочет из этого пруда воду в другой перекачать, чтоб по суху рыбу грести...»

— Ты чего рот разинул? — крикнул на него деловитый Семен. — Скажи в город по этому вот адресочку — там дружок мой обретается, мы с ним раньше лес вместе рубили. Обскажешь ему насчет нашей рыбалки. Пусть готовится к приему товара.

...Когда вернулся Митяй назад, не узнал он местности. В откачанном пруду судорожно билась, сверкала серебром разнокалиберная рыба, скопившаяся в ямках и бочажках, лещи, белые жирные караси, сазаны, язи — сердце запрыгало у Митяя при виде такого богатства.

По дну пруда, чавкая илом, ползал, преодолевая коряги, Елистратов.

— Нету, Митяй, такой кладовой у природы, — кричал возбужденный Семен, — для которой бы санитар Елистратов не подобрал отмычки.

И с разгону, в боевом задоре метнулся Семен под большой завал из бревен и коряг, где бился в мутной луже здоровенный сом.

— Давай бензовоз свой спускай на дно, — услышал Митяй из-под завала команду добытчика. — Подручней будет и быстрее грузить товар.

Митяй осторожно подогнал машину к самому завалу, чуть не вывалив из кабины ящики с карбидом, которые ему передали для газосварщика и так остались забытыми в кабине.

— Найди ключ на тридцать два или поболе, — раздался опять голос Семена.

Плохо понимая, что там собирается отвинчивать Семен у сома, сунул Митяй ему ключ и тут же услышал тошнотворный звук — «хрясь»!

— Жизнь и на самом деле бьет ключом, — донесся из глубины голос Елистратова, но едва расслышал его Митяй из-за внезапно накатившегося водопадного шума.

Он задрал вверх голову и побледнел. По размытой дамбе прямо к ним катился мутный и пенящийся поток воды. Видно, переполненный потусторонний пруд своим давлением сначала потихоньку — незаметно для них, — а потом и разом прорвал насыпную плотину и теперь с ревом возвращал похищенную у его соседа воду.

— Семен!!! Сматывай удочки! — дурным голосом завопил Митяй, но вместо самого Елистратова до него донесся еле слышимый сквозь шум воды голос санитара.

— Слышь, Митяй! Зацепился я тут намертво! Не согнуться, не разогнуться — крутом колючки и проволока. Дерни меня посильней или попробуй разобрать коряги.

Глядя, как быстро прибывает вода, заметался Митяй щуренком между затопливаемой машиной и погибающим Елистратовым. Он попробовал было растащить коряги, но те сцепились, как спруты, и не стонулись с места. Митяй нащупал под корягами фуфайку Елистратова и что есть силы потянул вверх — в руках у него оказался лишь кусок воротника.

А вода все подымалась и скрывала под собой тело Елистратова.

— Шланг... шланг сунь... мне в рот, — как будто донеслось из глубин.

Митяй кинулся чуть не вплавь в кабину, выдернул из-под сиденья шланг для заправки бензина и сунул один его конец в скрывающуюся под водой пасть валомщика кладовых природы. Другой конец он задрал вверх, но вода была уже и ему по грудь, поэтому Митяй забрался, не выпуская шланга, на крышу кабины и тут только услышал сердитое бульканье заливаемого водой карбида. Шел из карбида хорошо знакомый, резкий и противный запах ацетилена, и не было от него спасения.

Митяй наклонился ухом к концу шланга и послушал хриплое дыхание Елистратова.

«Как вроде на корабле,— подумалось Митяю, который отслужил срочную на флоте,— я за капитана, а он — в трюме, у дизеля». Вода перестала уже прибывать, но Митяю все равно было до невыносимости скучно.

В это время «из трюма» глухим голосом водяного заговорил Елистратов.

«Привяжи шланг... дуй в деревню... за трактором»,— стонал мастер отмычки.

Митяй замотал конец шланга, надул запасную камеру и, екнув селезенкой, кинулся с крыши кабины в холодную, обжигающую воду, мстившую им обоим за нарушенное спокойствие...

Когда взломщика кладовых вытащили трактором, он весь переливался сине-зелеными оттенками от ацетилена, ила и низкотемпературных водных процедур. В одной руке он сжимал ключ на тридцать два, другой вцепился в жабру сома. Тихо икая, он постоял несколько секунд на берегу и, вдруг внезапно как будто что-то вспомнив, кинулся карабкаться вверх по дамбе.

...— Эх, «санитар»! — жаловался потом Митяй, — обещал ресторан в городе снять, всех отель выгнать и неделю гудеть! Вот и верь после этого людям!

ШАБАШ НЕЧИСТЫХ

Багровое солнце застыло на краю горизонта, как бы раздумывая — садиться ему или погреть еще немного земной шар и его уставшее за день население. Радужь ласковому теплу и закатной тишине, водяные обитатели пруда с легкой грустью, похоже, вспоминали старые добрые реликтовые времена, когда венец и хозяин природы — человек, корнями своего генеалогического древа приросший, кти, к их земноводной компании, еще не покори, не подмал под себя безропотную флору и мятущуюся фауну, когда поверхность воды еще не казалась такой красивой в цветных переливах тонких пленок

мазута, а стекающие в пруд пресные ручейки не щекотали язык рептилий соленостью минеральных удобрений и сладким дурманом пестицидов...

...Из-за куста трилистника выпуклый лягушачий глаз с явным подозрением разглядывал суесящихся людей вокруг дымящегося костра. Семен Елистратов угощал приехавших из города соучастников шашлыком из собачатины. Отчаявшись похитить барашка из частного стада, он махнул рукой на возвышенные гастрономические запросы гостей и втихомолку от них зарезал и лихо ободрал глупую и жирную собачку дачников Перепоевых.

Бесславный конец перепоевской собаки — курцхара Тимки — был, по-видимому, предрешен в тот момент, когда хозяева решили вывезти его на лето в деревню. Лишенный насильственным образом самых привлекательных мужских качеств, перекормленный Тимка не пользовался интересом и успехом у прекрасной половинки собачьего общества. А со второй половиной дела обстояли совсем скверно.

Среди устоявшейся иерархии деревенского собачьего коллектива давно было определено — кто кому уступает дорогу, с поджатым хвостом или без такового, на кого можно гавкнуть, а на кого лишь глухо заворчать.

Правом первой кости в деревне, безусловно, владел пастуший пес Полкан, считалось дурным тоном даже поднимать вопрос о его диктаторстве. В припадке тоскливого воя Полкан мог взять такую окрашенную замогильными обертонами ноту, что стыла кровь в говяжьих жилах у совхозного бугая Трошки. А ведь приходилось Трошке бывать в самых страшных переплетах — вместе с Полканом им пришлось как-то отбиваться от напавшей на совхозное стадо волчицы с необученным выводком. Пока Трошка иступленно гонялся за матерой волчицей, Полкан сумел придушить двух молодых волчат, чем принес немалую славу пастуху Никанору. Храбрый на домашней завалянке, ковбой Никанор оказался труслив на деле и во время волчьей вылазки отсиживался на жидкой осинке, которая вся трепетала от бившей Никанора дрожи. К концу баталии Никанор вовсе ослаб и свалился с осинки, придавив собою двух яростных, еще более чем Никанор, напуганного барана. От такой напасти ошалевший баран кинулся, не разбирая дороги, прямо в самое пекло, чем привел в полное замешательство слегка помятую Трошкой волчицу и ее серое потомство. Решив, что их дела совсем плохи, если бараны первыми нахально нападают и сбивают с ног волков, лесные «санитары» кинулись в кусты, оставив на поле боя две трофейные шкуры. Ковбой Никанор приписал, конечно, эти успехи личной храбрости и силе удара своего кнута, бросив тем самым тень на верного и храброго пса.

И надо же было случиться, чтобы городской курцхар Тимка, потерявший главные качества обольстителя, но не бросивший тем не менее блудливые манеры обращения, повстречался впервые Полкану

в тот момент, когда Тимка пытался втереться в доверие полкановского гарема. Разогнавшись до скорости, граничащей с первой космической, пастуший пес сообщил курцхару импульс, от которого повалился по принципу «домино» весь уличный забор.

Тимкин позор докатился до самых закудалых конуришек, и ни одна завалающая дворняга не упускала возможности потрепать и повалить в дорожной пыли перепоевского кобеля. Для него деревенские собаки пренебрегли даже традиционным правилом — по неписаным обычаям считалось неприличным выяснять собачьи отношения в присутствии хозяев. Тимку кусали и драли при первом же удобном случае даже недоросли-щенки, и был замечен момент, когда он стремительно удирает от жаждавшего крови макарова петуха.

Перед Елистратовым Тимка предстал в тот момент, когда душегуб Семен плелся с мешком по дороге, сглатывая обильную слюну, выделявшуюся в предчувствии скорой выпивки.

Собственно говоря, перед Елистратовым предстала лишь одна половина туловища, вторая половина курцхара находилась по другую сторону забора, разделявшего своей дырой переднюю и тыльную части корпуса кобеля. Видать, не выдержав побоев и укусов сородичей, всеобщего презрения и издевательств со стороны любой деревенской твари, Тимка решил выместить злобу на подвернувшейся кошке и, погнавшись за ней, заклинился в заборной дыре. Откормленный зад не позволял ему продвинуться вперед, а вернуться назад не было сил — задние ноги повисли в воздухе, не доставая до земли.

Дурным голосом выли Тимка от боли, обиды и отчаяния. Мало того, что сбежавшиеся на голос псы спокойно жевали Тимкины задние ноги и короткий хвост, мерзкая кошка в пяти сантиметрах от кончика его носа спокойно умывала свою шерстку, даже не глядя на иступленно воющего пса, который по высшим меркам собачьего искусства чуть было не приблизился к полкановой ноте.

Семен нехорошо посмотрел на застрявшую собаку и, живодерски усмехнувшись, зашел по другую сторону забора. Он был суров и преисполнен долга — добыть мяса на шашлык для приехавшей к нему из города компании...

Через пять минут Елистратов забежал к Макаровой старухе выпросить уксуса и перца для маринада, а заодно и пустить слух, что перепоевскую собаку утащили волки и Семен сам видел, как они рвали на части бедного курцхара.

...На берегу пруда товаровед Лева, известный на родной базе под кличкой Лева-сиделец, с помощью ревизорских актов и фиктивных накладных пытался разжечь костер, когда затрещали в овраге кусты и на поляну выкатился с ведром в руках добытчик Елистратов.

— А... фуражир! — закричал Лева-сиделец. — Ну, что дала разведка боем?

— Какого барашка загубил, — начал причитать Елистратов,



с большим трудом отводя взгляд от мелководья, где, по его расчетам, должны быть затоплены бутылки с водкой.

— Знакомся! — Лева ткнул пальцем в надутую физиономию с выпученными глазами. — Это научный работник, молодой, весьма поддающийся...

— Анатолий Федутто, — захохотала физиономия, еще больше выпучив глаза, и без всякой видимой связи с предыдущим вдруг начала нудно и громко рассказывать: — Я, когда плыл по Якутии, гляжу — бивень торчит на берегу. Ну, естественно, раскопали целого мамонта, мясо в мерзлоте полностью сохранилось — вот я вам скажу шашлык был из мамонятины...

— Понес, понес... — сморщился Лева и повернулся к третьему соучастнику, — а это Вано Камикадзе — грузин-самоубийца!

Однако белозубая улыбка и черные маслины глаз никак не вязались с рекомендацией, было видно, что их хозяин жизнью вполне доволен и пока взял от нее далеко не весь перечень удовольствий.

— А помнишь, Семка, — обратился Лева к Елистратову, — как мы с тобой, лежа на нарах, мечтали вот так у костра за ухой из лinya слопать по килограмму водки...

— Я в тундре, помнится, за один час восемнадцать зубров настрелял, — опять забубнил Федутто, — одну печенку ел, все остальное шакалам выбрасывал!

Все до единого рассказы Федутты имели в виде сухого остатка один непреходящий смысл: где-то, когда-то он — Анатолий Федутто — очень много чего-то съел и все — задаром.

Немного сбитые с толку обитающими на Крайнем Севере зубрами и шакалами, все неловко замолчали. А распаленный сладкими мыслями о большой еде Анатолий Федутто громко высморкался в кулак и стал нанизывать на свой шампур самые большие куски бывшей перепоевской собственности.

— Уха, она, конечно, способствует, — прервал молчание Семен, — да взять-то рыбу из этого пруда никак не могу. Уже какую только технику я не применял. сколько через то страданий вынес...

— Все твои страдания оттого, что со мною знаком ты не был, — назидательно произнес сиделец Лева, — а я, в свою очередь, с геологами. Смотри, что я у них добыл!

Лева тряхнул рюкзаком и вытащил пачки аммонала, моток бикфордова шнура и детонаторы — подарочный набор для браконьера, преступившего черту, разделяющую область административного воздействия от области уголовного преследования. У Елистратова зачесались руки и жадно засверкали глаза, сын гор зацокал языком, как будто ему привиделся священный кинжал.

— Что значит настоящая парная баранина, не то что у Левки на базе, — послышался вдруг голос Федутто. Воспользовавшись тем, что всеобщее внимание было занято пиротехническим набором, он

похитил и сожрал три шампура мяса и уже принимался за четвертый. С большим трудом соучастники отняли шампур у этого вечно голодного монстра и, отогнав на всякий случай Федутто подальше от костра, присели для процедуры винотерапии. Все нечетные тосты посвящались мощности аммоналовых зарядов, все четные — жуткому количеству рыбы, которую собирались поднять со дна с помощью этих зарядов.

Услышав, что можно где-то что-то съесть, из кустов вынырнул Федутто. Перспектива добыть большое количество рыбы с помощью взрывчатки и возможность ее съесть тут же заметно оживили перманентного едока. Он чуть ли не впервые в жизни начал рассказывать на тему, прямо не связанную с большой едой, хотя как и всегда невпопад:

— Бывают такие собаки умные, — начал он нудить, ковыряя в зубах. Три четверти курцхара в организме Федутто каким-то образом стали проникать в его сознание, настраивая на собачью тему, — бывают даже умнее хозяина. Чего? Не верите? Да у меня у самого была такая псина, Диком звали!

— А у меня собака дура-дурой! — чуть не пустил пьяную слезу сиделец Лева. — Послал ее на кухню за тапочками, а она взяла и кофе сварила!

Развитие собачьей темы сильно встревожило Елистратова, тем более что орлиный нос сына гор брезгливо и подозрительно обнюхивал кусок псевдобаранины.

— Давай рванем, пока солнце не село, — начал сладострастно Семен, — а то рыбу не найдем в темноте...

Запалить шнур и бросить пакет вызвался Федутто, который подарил компании очередной шедевр плотоядного искусства:

— Помнится, на Чукотке никак не могли лося завалить — ни карабином, ни базуккой — ничем не проймешь. Так я четыре шашки толовых ему под каждую ногу заложил, да как-а жажну! А чтобы сподручней было, потом костер у него прямо в брюхе развел и там же палатку поставил. Так изнутри его жарил и ел — целую неделю, пока до шкуры не проел...

Распаленный утробными воспоминаниями, Федутто перешел к своему коронному рассказу о поедании кита, выброшенного на берег Кольского полуострова, совсем позабыв обо всем на свете, в том числе и о подожженном шнуре, по которому огонь подбирался к взрывчатке. Только когда сиделец Лева рухнул наземь и мелко засучил ногами, до пожирателя Федутто дошло наконец понимание обстановки.

С перепугу он метнул пакет так далеко, что, описав дымную дугу, взрывчатка шлепнулась на мелководье противоположного берега. Еще толком не понимая, чем это грозит, вся шайка инстинктивно рванулась на крутой склон оврага...

Взрыв в своем развитии прошел несколько стадий. Первая — звуковая — слегка парализовала слуховые органы удививших от

эпицентра потребителей, во время второй стадии многочисленные коряги, мотки колючей проволоки вместе с комьями грязи поднялись на положенную высоту. Часть этих предметов накрыла затем различные участки туловищ и конечностей потребителей, соприкосновения эти сопровождалась высказыванием ряда слов и непарламентских выражений.

И только последняя, третья стадия не только не принесла новых травм, но даже явилась своеобразным эстетическим подарком — на фонтане поднявшейся воды в заходящих лучах солнца заиграла семицветная радуга.

Первым выбравшись из оврага, добытчик Елистратов глянул в сторону деревни и похолодел. По пыльной дороге к пруду неслась воинственная толпа односельчан во главе с Перепоевым. В руках каждого воина были предметы, вызывавшие в памяти ощущения боли и страдания, — палки, лопаты и ухваты. Егерь Прокофийч одной рукой сжимал двустолвку, второй — пачку протоколов. Красный и потный Перепоев прижимал к телу вещественное доказательство — раскопанную щенком в огороде Елистратова шкуру курцхара Тимки, на лице Перепоева была написана вся программа мстительных мероприятий — вплоть до похорон Елистратова.

Семен понял, что бить его будут дважды, сначала деревенские, потом городские, хотя твердой уверенности, что городским что-нибудь еще достанется, у Семена не было.

— Все прошел: огонь, воду, а вот медные трубы нам ни к чему! — завопил «санитар» хриплым от страха голосом. — Давайте оврагом до леса, иначе ребра переломают!

Спринтерский бег возглавлял едок Федутто. Если на положительном полюсе эмоций у него находилось блаженное чувство неограниченного поедания, то на противоположном полюсе теснились болезненные реакции от бития за съеденное. А били его часто, как в детстве, так и после.

Сиделец Лева, условно освобожденный от сидения, бежал ради спасения условности расчетливо и экономно. Блудный сын гор старался не бежать, а быстро идти, ухитряясь как-то сохранять кавказское достоинство и презрение к врагу.

В обнаженном осеннем лесу стало ясно, что шансы уйти от крупного разговора у шайки подрывников значительно уменьшились. От основного массива леса их отрезала мобильная часть мстителей во главе с собственником Перепоевым, другая часть блокировала выход из оврага. Оставался один шанс — попытаться через кусты и болото уйти в глухой сосновый бор. В топком болоте стало понятно, что спринт перешел в основательный марафон и что противник, не злоупотреблявший нарушениями режима, становится все ближе и ближе к намеченным мероприятиям. Хорошо знавший это болото Елистратов решился на последнее средство — по его команде все

залезли в грязный и смрадный бочажок, где, сидя по горло в болотной жиже, ожидали, когда преследователи пройдут мимо.

Все так и случилось бы, наверное, если б на сидельца Леву вдруг не напал внезапный чих. Трясущимися руками Семен сломал медвежьей дудку и сунул каждому в рот пустотельный стебель. Без лишнего слов шайка опустилась на дно, только немного гудела трубка Федутто, он, как всегда некстати, пытался рассказать, что его жена — директор столовой — однажды оставила его наедине с котлом борща, и он — Федутто — съел весь борщ за один вечер...

Темной ночью выбившаяся из сил компания достигла заветного бора, где Семен Елистратов первобытным способом запалил костер. Грязные, всклокоченные и оборванные, они прыгали вокруг костра, выдирая из глубин одежды и волос пласты засохшей болотной корки. Заблудшие ягодницы из соседней деревни — баба Груня и тетка Марфа — шли на огонь костра и, когда выбрались на поляну, просто остолебенили.

Шайка голых мужиков бесовского вида с диким вытьем рвала на себе волосы и со скрипом чесала ногтями покрытую коростой кожу. Срамной вид и нечеловеческие проклятия еще, может, не так сильно потрясли бы ягодниц, но в довершение всего Федутто уронил в костер свою куртку, в кармане которой оставался неиспользованный аммонал с детонатором.

Взлетевшие вверх головешки и столб черного дыма превратились потом в рассказах Марфы в стартовую площадку дьявольской ступи, отправившейся на ведьмин шабаш. Самыми страшными клятвами божилась Марфа, что самолично видела, как грызлась нечистая сила и волосатый сатана плясал около костра лезгинку. Баба Груня ничего не рассказывала, а только начинала мелко трястись, когда ее спрашивали об этой истории. Заметили только, что она усердней стала посещать церковь и горячо отмаливать грехи молодости.

ПОСЛЕДНЕЕ МОКРОЕ ДЕЛО

Старый дед Макар, сидя на завалинке, задумчиво ковырял в зубах. Эта привычка осталась у него еще с поры батрачьей молодости, когда сытый и потный мироед Мандросов после своих кулацких щей с убоинкой выходил на мир хвастать застравшим мясом в «лошадиных» зубах. Макар тогда садился напротив паука-эксплуататора и тоже начинал ломать щепки, громко ругая вязкую говядину...

Нынче у Макара мясное не выводится в избе, из коробков со спичками можно пирамиду построить, но почти нет у него самого главного — тех самых зубов, которыми можно грызть мясо и в которых можно потом поковыряться спичкой.

Только рыба была еще по зубам Макару, а от юшки из свежего линька впадал он в почти божественную блажь.

— Слышь ты, Сенька, — остановил Макар проходившего мимо Елистратова, — сказывала мне Катька, что вроде водку такую в магазины привезли, «джином» называется, дух от нее крепкий, все равно как скипидара глотишь...

Как и все горькие пьяницы, Семен оживлялся тотчас, лишь речь заходила о выпивке или была близка перспектива наполнить стакан. Две пустые бутылки из-под этого самого джина, найденные им около магазина, представляли собой единственный капитал предполагаемого опохмелочного мероприятия.

— Тебе-то что? — резко притормозил Елистратов возле деда и беря сразу быка за рога.

— Вот я и говорю, — таинственно начал дед Макар, — за ушей из линька можно было б и усидеть такую «джину»...

— Две, — отрубил Семен, — две тащи, дедок, мне одна кислота дорожке станет.

— Какая еще кислота? — удивился дед.

— Борная, деревня ты темная, — заговорил рифмой повеселевший от сладостных предчувствий Семен. — Мне один знакомый литру этой кислоты достал, я ее за бочку коньяку не выменяю.

Пораженный таким страшно неправдоподобным в устах Семена заявлением, дед Макар почувствовал легкий ужас.

— Ее в водичку только капни, — продолжал Елистратов, — вся рыба тут же кверху пузом всплывает! И что интересно, та кислота в рыбе вовсе не скапливается, можешь сразу жрать. Я когда у кореша в гостях был, так мы с перепоей в евойный аквариум накапали этой кислоты. Он как глянет, что рыба вся сдохла, так и говорит: давай концы в воду, а то от жены крепко попадет. Сунул туда электрокипятильник и прямо в аквариуме уху сварганили — во уха была, и никаких последствий! А пропажу рыбы на kota свалили.

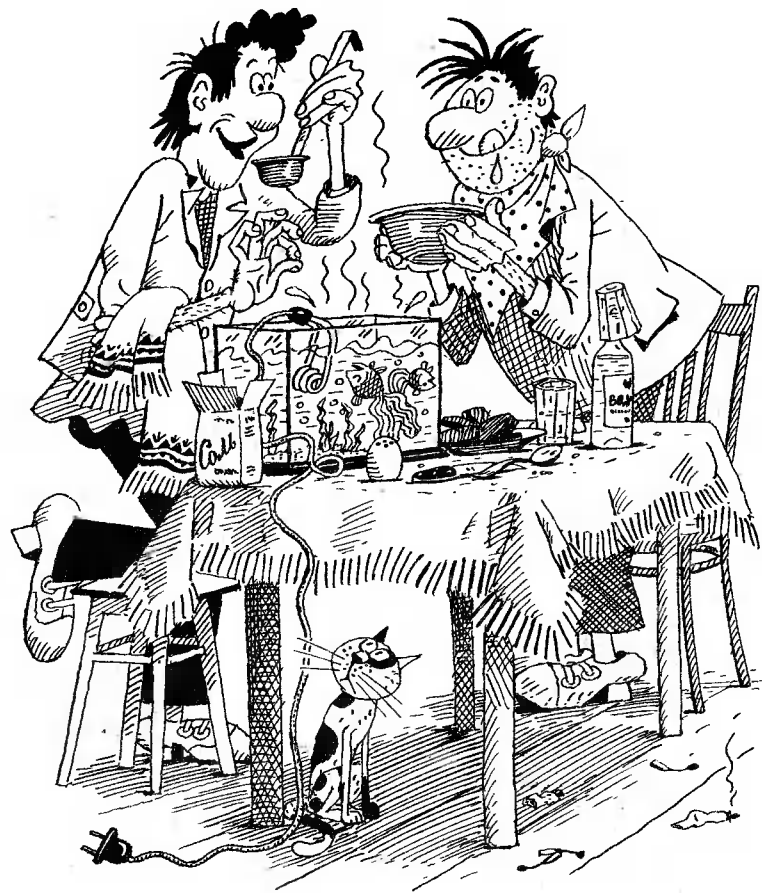
При упоминании об ухе дед Макар болезненно застонал.

— Ладноть, Сенюшка, пушай две будет этой «джины», только побегли сейчас напрямиком на пруд.

Чуть заметно вздрогнул Елистратов, услышав про коварный пруд, из-за которого не раз находился на волоске от гибели. Там он тонул, горел, трясся от высоковольтного провода. Поклялся в душе Елистратов, что ноги его там больше не будет никогда.

— Я на том пруду, дедок, прошел огонь, воду и медные трубы, да видно заколдована в нем рыба...

— Ну и то правда, — схитрил Макар, доставая из-под подкладки картуза засаленные пятерки, — мы уж с Прокофьевичем удочкой попробуем пошарить, можа, клюнет... — Целых полторы секунды колебался Елистратов, затем махнул рукой:



— Давай, дедок, дуй в магазин, а я пойду налью в эти пустые бутылки кислоты.

... Дед Макар вскипятил котелок, почистил картошку, а Семен все еще шлепал по мелководью, поливая направо и налево из бутылок с голубоватыми наклейками. Те места, где ступала нога отравителя, были разукрашены плавающими телами обитателей пруда. Но добыча выглядела очень странной и несъедобной — водомерки, пиявки, жучки вперемишку с лягушками и головастиками. Изредка попадалась мелкая рыбешка. Вся эта живность дрыгала ногами, хвостами, лапами, подпрыгивала и мельтешила — словом, вела себя так, как будто бы не собиралась помирать, а всплыла на поверхность, чтобы хорошенько повеселиться в подходящей компании. Хищный взгляд душегуба Елистратова напрасно метался по зеркалу пруда с надеждой заприметить жирного линя или молочного сазанчика. Ни вертлявого ерша, ни даже самой захудалой плотвички! Семен окончательно рассвирепел и бросил бутылки с остатками отравы прямо на середину пруда.

— Эх, не могут у нас еще качество обеспечить, — бормотал он, глядя, как тонут бутылки с хваленым ядом. — Уж сколько сил отдал я стройкам большой химии, а где результат?

Заплетающейся походкой разочарованного в своих лучших намерениях человека Елистратов потащился к костру.

— Наливай, старче, душа горит! Пока рыба пропитается отравой и всплывет, мы с тобой успеем по одному «джину» слопать, — подмигнул Семен, доставая из кармана надерганные в чем-то огороде пучки зеленого лука.

С умилением, чуть ли не со слезами на глазах смотрел Елистратов на знакомый до самых мелочей сладостный процесс откупоривания бутылки и розлива по стаканам. Блаженная истома не усыпила, однако, бдительности Семена — он вовремя перехватил локоть слишком поспешившего деду Макара и держал его до тех пор, пока над елистратовским стаканом не появился выпуклый мениск переполнившей жидкости, одобрительно кивнул деду, который и на треть даже не наполнил свой стакан.

Пил Семен шумно, с присвистом. Двигающийся вверх-вниз кадык создавал впечатление, что в его ненасытном горле какой-то механизм совершал тяжелую работу, это впечатление усиливалось глухим клетотом и пощелкиванием за ушами.

Перелив в свою утробу второй стакан, Елистратов задумчиво обратился к Макару:

— Дерет, она, конечно, знатно, но что-то не берет. Что, значит, за граница — никакого понятия в напитках. Ой, как нам не с руки ихний образ жизни!

Елистратов начал распечатывать вторую бутылку бессодержательного заграничного питья, но вдруг насторожился.

— Чой-то у нее крышка свободно откручивается? Постой, дед, а не спугнули мы с тобой бутылки? У меня отравы в точно такие же налита была!

Макар испуганно заморгал и уставился на душегуба, который впервые в жизни совершал неслыханное кощунство и святотатство — прямо из горлышка бутылки поливал горящие головешки с тайной надеждой, что вот-вот вспыхнет синее спиртовое пламя и все случившееся окончится шуткой.

Головешки, однако, вконец погасли и зачадили едким дымом. Приговор был подписан и утвержден.

— Что же теперь будет, Семушка? — заохал Макар.

— Молчи, старый хрен! Ты и выпил-то ничего! Я на себя весь удар принял, тебя — божьего одуванчика — можно сказать, от верной смерти заслонил, а вот сам...

По небритому лицу Елистратова ручьями потекли слезы.

— Мне что жалко? Ведь водкой пруд поливал, всякую мелочь и головастиков опойл. И почему, думаю, хорошая рыба не всплывает? Может, кумеаю, попривыкла она к ядоудобрениям, что с полей стекают? Не берет ее кислота из-за этого? А я — дубина — родной сорокаградусной их накачал!

Глаза у Семена покраснели еще больше, и слезы, не переставая, продолжали орошать берег пруда. За всю свою жизнь он не исторг столько слез, сколько выдавливала теперь из него жидкость, которую раньше Семен не соглашался выменять на бочку коньяку.

Но разбушевавшейся в утробе браконьера кислоте и этого показалось мало. Из рта душегуба сначала жиденьким ручейком, а потом почти фонтаном забила слюна. Даже известному своим наплевательским отношением к окружающим верблюду не грезилась такая производительная скважина.

— Может, тебе, Семушка, — заволновался дед Макар, — сунуть два пальца в рот, чтобы вывернуть нутро. Глядишь — полегчает!

Семен трясущейся рукой попытался осуществить рекомендацию Макара, но силы совсем оставили его. Дед решил самостоятельно выполнить задуманное мероприятие и, вытерев руку о подол рубахи, полез в Семенову пасть. Через минуту раздался старческий, дребезжащий крик, и Макар с прокушенной рукой забегал вокруг костра.

— Слушай, антихрист! — наклонился Макар к трясущемуся мелкой дрожью душегубу. — Скажи хоть напоследок, от чего умираем? Как эта гадость хоть называется?

— Жадность и глупость, дедок! — прошелестел в ответ неожиданно вломщик кладовых и природы. — Вот, как это называется. Все задарма хотим хапнуть, да поболее... Ох, круги синие в глазах пошли. Коли выживешь, старый дуралей, скажи, чтобы поблизости меня не хоронили, уж больно навредил я в окрестностях, покоя мне тут не

будет... А прозывается отравой борной кислотой. Если ее знатно наглотаться, то из человека слюна и слезы будут источаться, пока не иссохнет...

Дед Макар приложил подол рубахи к глазам и мелко-мелко закрестился.

...Первые утренние лучи, разогнавшие туман, высветили печальную картину. В сторону деревни от Сырой балки медленно и неуверенно передвигались две мужские фигуры. Приготовившиеся к мученической смерти Елистратов и дед Макар после внутренней борьбы за жизнь, длившейся всю ночь, возвращались к жизни и обществу. Время от времени две вздрагивающие фигуры останавливались и начинали тереть глаза.

— А не всплакнут ли нам на брудершафт? — нежно спрашивал Семен, и они кидались друг другу на грудь. У самой околицы участники мокрого дела вздохнули и покаянно запели:

Горе горькое по свету шлялося

И на нас невзначай набрело...

— Опять Листратов гуляет, — покачала осуждающе головой баба Груня.

Откуда ей было знать, что санитар стола и грабитель природы прощался навеки со своей шальной жизнью и былыми замашками?

НА ДНЕ

Степенная рыба — сазан Василий Пафнutyч лежал в илистой яме, неподалеку от глупого навозного червя, насаженного на заграничный крючок. Вверх от червя шла еле заметная леска.

«Конечно, — думал Василий Пафнutyч, — ежели где на периферии, в глубинке, то, может, и клонут на такую дешевку, а у нас разве что ребята-ерши залыют за жабры, и ну озоровать — крючки откусывать...»

Василий Пафнutyч склонился в полупоклоне: между размокшим на дне матрацем и ржавым примусом медленно фланировала известная своим живоглотством щука Элла Константиновна.

«Ишь ты, санитар водоема, — презрительно мыслил Василий Пафнutyч, не забывая для виду раздувать как бы от радости слипшиеся мазутные жабры, — только и можешь все, что плохо лежит, хапать да молодёжь жрать...»

Элла Константиновна молча разглядывала его одним глазом, прикидывала отношение поперечного размера Пафнutyча к окружающей своей пасти. Выходило, что это отношение больше числа «пи», да и стар, небось, соку настоящего в нем нету...

Брезгливо вильнув хвостом, Элла Константиновна отчалила, оставив густой запах нигрола и уксусной эссенции.

«Как же, разевай рот шире», — успел только подумать Василий Пафнutyч, и тут как бормашиной засвербило во всех плавниках и в пузыре — сверху подъехал Егорыч на своей моторке.

«Ну и валенки, — размышлял о рыбаках Пафнutyч, упиваясь собственным критиканством и нигилизмом, — опять Егорыч доить их будет. Подержите, мол, мои удочки, я в магазин за бутылкой слетаю, а те и рады — суют ему пятерки да трешки, нам, дескать, тоже захвати заодно. Соберет Егорыч трудовые да и ходу... А эти в злости его копеечные удочки опосля на молекулы дробят, мат стоит — аж черви сохнут».

Мимо Василия Пафнutyча пронеслись, оставляя за хвостами плазменный след, окуни-наркоманы.

«Найдут, где от полей стоки с ядохлородами в водоем прут, сунут жабры под такую струю и балдеют. А потом озоруют, из воды нагишом выпрыгивают...» — ворчал про себя Василий Пафнutyч.

Не нравится ему, как хиппует молодежь, — немые, в солидоле, одуревшие от суперфосфата и динитрохлорбензола — какой толк в такой рыбе?

Вспоминает Пафнutyч, как весной имел беседу с Осетром из главка. Рассказывал тот, что в былые времена каждый год он к морю дрейфовал, кругом чистота и солидной рыбе уважение. А нонче к морю и не прорвешься — сплошь плотины да шлюзы...

«Уйду в колхозный пруд, — затосковал Пафнutyч, — там хоть жратва по рациону и спокойствие. А что у них план, то уж как-нибудь отбодается...»

«А ну как не отпихнешься? — заволновался опять Пафнutyч. — Кончишь жизнь где-нибудь в рыбном магазине. Эх, нет в жизни счастья! Вот завтра пятница, опять понаедут стадами на машины, масло отработанное сольют — ни вздохнуть, ни продохнуть. Банки консервные, бутылки битые градом посыплются... А уж грохот будет стоять — катера, машины, вопли транзисторные и уж, конечно, камыш зашумит... Ну где тут сил набраться — выжить на такой помойке?!»

Василий Пафнutyч закрыл глаза и с шумом втянул в себя корчащегося на заграличном крючке аппетитного навозного червя...

ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ

На слабом ветру мелко дрожал осиновый лист; теплые сырые запахи осени временами перебивались едкой выхлопных газов тракторов, гремящих по Семеновскому большаку.

— Совсем из башки выскочило: пятница нынче аль четверг? — угрюмо бубнил меланхоличный заяц-русак Филимон.

— Будто дело есть тебе до того, какой у них там день,— приподняла одно ухо легкомысленная зайчиха Фроська.

— То-то, что есть,— отвечал рассудительно Филимон,— если ноне пятница, то жди завтра псовую охоту. Из городу приедут да местных два смычка гончих, вот и подумай, куда ноги уносить...

При упоминании о собаках трусливый и слабохарактерный русак Антипка приподнялся из теплой ямки и начал дрожать всей кожей и ушами почти в такт с осиновым листом.

— Я как только ихний брех услышу, так у меня в животе слабеет,— чуть слышно прошептал Антипка и бессильно шлепнулся тут же в ямку, как бы демонстрируя эту самую слабость при одном лишь упоминании о ненавистном собачьем лае.

— Должно быть, все-таки четверг,— подняла и второе ухо кокетливая Фроська,— вчера по большой поляне возле болота Митяй на тракторе колдыбал. Он по средам всегда в Коковино катается за водкой, там в магазин по средам водку завозят. А оттуда пьяный через лес прет и песни блатные орет...

— Надоть Коську в деревню послать,— пискнул Антипка из своей ямки,— пусть подслушает и поглядит, не набивает ли егерь Прокофич патроны, иль дед Макар, може, гаубицу свою чистит.

— Этого Коську только пошли,— вздохнул Филимон,— базар и скандал такой поднимет, что охота начнется уж... Давай-ка, братва, поближе к озимым двигать, темнеет быстро — как раз доберемся, пожрем хоть сегодня спокойно...

Проснулся русак Филимон от чувства свободного падения. Видать, еще во сне, толком не пришедши в себя, он ухитрился с испугу так высоко подпрыгнуть, что, опускаясь на землю, Филимон успел хорошенько оглядеться вокруг себя и выбрать площадку для приземления. А оглядеться нужно было непременно и как можно быстрее. По всему лесу катилось душераздирающее улюлюканье громкоголосых охотников.

Богатый опыт беспокойной жизни Филимона подразделял охоту на три стадии. Во время первой молчат собаки, кричат охотники. По ихним понятиям, во время первой стадии нужно поднять с лежки нашего брата — зайца,— чтобы дать собаке пахучий след.

Во второй стадии молчат охотники, орут мерзкие собаки, почуявшие бедного ушастого. Охотники замирают, и только их зыркающий глаз да гулкий стук сердца в грудной клетке наглядно выказывают недостойный азарт и плотоядный интерес к заячьему населению.

Наконец, наступает третья стадия. Здесь орут охотники, хвастая или обвиняя друг друга в позорных промахах, визжат собаки, потерявшие хозяев и друг друга, стонет весь лес от гулких выстрелов и звона разбитых бутылок.

Еще в воздухе Филимон понял, что дела не вышли из первой

стадии. Все живое — съедобное и несъедобное — судорожно пряталось в норы, щели, дупла, лихорадочно несло, летело, ползло прочь от накатывающегося воя человеческой стаи.

— Перво-наперво двойка и петля,— подумал Филимон,— потом уж скидка.

Если молодые зайцы, кичащиеся своей ученостью, путали след только перед лежкой, то Филимон никогда не считал лишним сделать замкнутый круг — петлю, затем пройтись по своему следу еще раз — сотворить «двойку» и уж после этого резко прыгнуть в сторону на несколько метров — ищи после этой скидки его в поле!

Братание с человеком, очень модное сейчас среди хиппующей заячьей молодежи, Филимон категорически отрицал.

— Сколько человека хлебом ни корми, он все в лес смотрит, кабы еще и зайчатины отведать,— любил каламбурить в таких случаях Филимон.— Пока не выведут новую человечью вегетарианскую породу, никаких компромиссов!

Филимон был глубоко убежден, что самое правильное во взаимоотношениях с человеком — это приличное расстояние. Поэтому после выполнения нескольких фигур высшего мухляжа он включил форсаж и начал набирать это заветное расстояние.

— Просчитались мы с календарем,— сокрушался на бегу Филимон,— теперь гляди в оба!

Внезапно истошный собачий визг остановил его на месте.

— Ай, ай, заяц-то теплый! Ай, ай, уйдет ведь,— застонала гончая Найда, пылая азартом погони. Много лет тому назад предки нынешних собак стали на путь предательства лесных жителей, пошли на службу двуногим за жалкую подачку — высосанную кость. И теперь совершенно зверели, стоило им почувствовать свежий след поднятого с лежки косога.

Филимон прислушался, определяя траекторию гона и расстановку охотников.

— Кого-то уже прихватили,— горестно подумалось ему,— небось Антипку добирают.

Ошалевший и бестолковый Антипка шел на левое крыло цепи, где на просеке наверняка встретит несколько пар ружейных стволов.

— Пропадет из-за понюшки пороку,— привычно каламбуристу подумал Филимон и на сильных махах кинулся наперерез собакам.

— Ага, скололись! — хихикнул он, услышав, как заметались собаки на перекрестке следов. Нарастающий лай гончаков подтвердил Филимону, что затея удалась — глупые псы пошли по его следам.

— Теперь пора выводить Антипку из района напряженности,— мыслил Филимон,— наверняка залег где-либо по ходу этих разбойников.

И точно: за мелким ельником он разглядел канавку, где трясся от страха бестолковый Антипка.

Шла вторая стадия охоты. Айкали гончие, за мощной сосной топтался грузный охотник, нервно вращая головой и обдавая округу запахом вермута местного розлива. Если Антипка выкатится на полянку, беды не миновать.

— Эх, где наша не пропадала,— вздохнул Филимон и кинулся напрямиком на поляну.

Не веря своему счастью, ошалевший охотник непослушными руками старался вмять приклад в плечо.

— Ишь, переживает, волнуется,— спокойно и как-то отрешенно думал Филимон,— а ведь убьет, не пожалеет денег на патрон...

Подставляя правый бок охотнику, Филимон на бегу косил глазом в дышащие смертью черные глазницы ружья. Стрелок целил прямо в бок Филимону, и палец правой руки уже прилип к курку.

— Значит, так,— соображал заяц,— между нами метров сорок, стало быть, дробь долетит за две десятые секунды, одну десятую длится нажатие и срабатывание курка, две десятых — сгорание пороха и сам выстрел. Итого у нас — полсекунды. При моей скорости метров десять в секунду я успею переместиться за полсекунды... господи, ни логарифмической линейки, ни микрокалькулятора! Ну, соображай, Филя! Ага — 5 метров, значит, этот бандит должен целиться вперед меня... Двумя хлопками стегнули выстрелы.

— Первым номером дробь жарит,— отметил про себя Филимон, привычным взглядом рассматривая срезанные дробью ветки позади.— Никакой культуры охоты, эх, деревня!

...Антипка и Филька успели отдышаться и успокоиться в густом чапыжнике, когда услышали гон на краю болота. Фроську, по их расчетам, охотники не зацепили, значит, гоняют беляков.

Умоляющим взглядом смотрел Антипка на своего спасителя, в чье могущество он поверил окончательно. Филимон отвернулся, но затем не выдержал и вскипел.

— Я на беляка Тимоху зуб имею,— скаламбурил он и оскалил два острых резца.— Он мою заветную осинку начисто сглодал. И вообще беляки — хулиганы отъявленные, нажрутсь травы с дустом и бузят, романсы распевают: «Были когда-то и мы русаками...»

— Так они не виноваты, что их с самолетов этой отравой посыпают,— жалобно скулил Антипка.— Филька, а Филька! Будь русаком!

— Ну ладно, ладно! Давай Мустафу подымай!

Из густой крапивы выволокли вечно сонного и пахучего Мустафу — русака, знаменитого тем, что однажды, удирая от браконьера Елистратова, который охотился на зайцев с трактором и зажженными ночью фарами, ослепленный Мустафа вляпался в корыто с полужидким битумом, где и застрал бесповоротно. И только к полудню следующего дня, когда жаркое солнце растопило смолу, Мустафа еле вылез из корыта, весь измазавшись в битуме.



В лесу к нему прилипли репейники, сучки и шишки. Мало того, что, идя по следам своих зайцев-однолесников, Мустафа сбивал смолой запах следов, его неожиданное появление перед охотниками вызывало иной раз короткий шок с длительными последствиями.

...Мустафа «сработал» и на этот раз своевременно и надежно. Сначала послышался вой и плач сбитых с толку собак, затем крики «Караул!», и спустя полчаса — жиканье пилы. Перепуганный до смерти черной образиной Мустафы, охотник взобрался от греха повыше на березу и, утробно икая, сидел на ней, несмотря на то, что «чудовище» давно скрылось в овраге. Товарищи безрезультатно приглашали его спуститься, было испробовано последнее средство: под березой расстелили стол и разлили по стаканам перцовку.

Однако и эта крайняя мера не помогла, тогда решено было березу спилить...

Поздно вечером, когда затихли brave голоса охотников, которых увезла в город почтовая машина, на краю оврага бубнил уставшим голосом Филимон:

— Завтра местные будут лес прочесывать: от озимых до соснового бора, в понедельник дед Макар вылезет со своей мортирой — от него за версту держись, во вторник и среду Елистратов будет с фарами по полям шарить, ну а уж в четверг и пятницу — гуляй ребята — и у нас два выходных!

КОСЬКИНА АМНИСТИЯ

Заячьи следы вели от жировки прямо к середине поляны и там, возле одинокого стожка сена, терялись. Серега еще раз внимательно оглядел розовый от зимнего солнца снег — на чистом, как мелованная бумага, покрове легко заметить за сотню метров мышьиные стежки, а уж заячьи отпечатки можно бы увидеть, казалось Сереге, чуть ли не с самолета. Сомнений не было. Отсюда, из-за елок на краю поляны, просматривался лишь один след, выходной отсутствовал. Серега знал по опыту, что звери любят подходить к одиночным резко выделяющимся предметам на открытых местах — камню, стожку, телеграфному столбу. Любопытство ли их тянуло туда, или просто нужно было им «отметиться» по своим звериным обычаям, этого Серега точно не знал, но он помнил, что старый охотник Свиридыч клал приваду и ставил капканы именно на таких перекрестках.

«Лиса обязательно сюда заглянет, — думалось Сереге, — значит, заяц, если он себе на уме, тут лежку делать не станет — либо клевернице в сене ищет, либо затаился от моих шагов».

От такого вывода гулко заколотило сердце, непослушными и суетливыми стали руки. Какой охотник не волнуется, скрадывая затаившегося зверя или птицу, а тут случай совсем особый, прямо из

ряда вон. Крепкую имел Серега задумку — добыть не просто зайца-русака, а именно этого, который сейчас за стожком, персонально имеющего прозвище Коська. Слыхано ли было, чтобы дикий заяц, живущий на воле, имел клочку, но этот шкодливый русак действительно имел ее и вместе с ней — длинный список всяческих проказ и скандальных историй.

...Как-то летом агроном Исаев отбил у пастушьего пса Полкана маленького зайчонку — то ли «настовика», то ли «колосовика». У зайцев первый приплод появляется весной, когда еще не сошел последний наст на тающих снежных сугробах. Таких зайчат зовут «настовиками». Как только заколосится рожь, появляется второй приплод — «колосовики», третий помет — «листопадники» рождается в сентябре.

Деревенские, а в особенности пастушьи собаки ловят этих маленьких зайчат походя, почти играючи.

— У меня ноне, — хвастал жадный и вредный пастух Никанор, — Полкан четырех зайцев за день задавил...

Обычно спокойный и выдержанный, Серега вспылал тогда:

— Послушай, «ковбой» Никанор! Если хоть раз увижу твоего пса-душегуба с молодым зайцем, пристрелю на месте, так и знай!

Самого завалающего, а тем более толкового пастуха сейчас не сыщешь по всему району, поэтому, помня обидчивость Никанора, Исаев молча принес отбитого зайчонка домой и поставил его на морковно-капустное довольствие.

Об этом зайчишке вспомнили в ноябрьские праздники, когда после праздничного стола собрались мужики около магазина побалагурить, поспорить. Как тот камень-валун в чистом поле — магнит для зверья, так и магазин в селе — обязательный перекресток деревенских путей. Здесь всегда самые последние новости мировой и уличной важности, здесь заключаются договоры и рождаются заговоры, а уж для местных пьяниц — это прямо-таки как пункт дежурства.

Ничего удивительного, что в праздничный день почти все мужики, попыхивая папиросками, сидя на пиленых чурбаках и крылечке магазина, гоготали над затейливым враньем Семена Елистратова про небывалые охотничьи трофеи. Но как только разговор зашел о кучности и меткости, тут зашумели вдруг все сразу. Каждый кричал, перебивая соседа, беззастенчиво нахваливая свое ружье и личные снайперские качества.

Неизвестно, чем бы кончился такой спор, но тут Елистратов сбежал во двор бывшего в отъезде Исаева и приволок на веревке упиравшегося, как баран, упитанного русака.

— Во, славяне! Выноси ружья, щас проверим на мокром деле, чья пушка метче бьет!

Пока все ходили домой за ружьями, Елистратов привязал зайца за ствол большой ели, росшей на лужайке перед магазином, и, свистнув

так, что взвыли все деревенские собаки, заставил зайца носиться на привязи, как угорелого, вокруг елки.

Мужики построились в ряд и по команде вскинули дробовики, каждому чудились запахи тушеной зайчатины и слава первейшего стрелка. Первым, однако, ухитрился пальнуть дед Макар из своего дробомета ужасающего калибра. По преданию, его принес в деревню Макаров прародитель чуть ли не во времена Крымской войны. Макар таскал его на охоту, кряхтя и сгибаясь от тяжести этого древнего оружия да вдобавок еще рогульки, на которую он клал свою мортиру, изготавливаясь к стрельбе. Хорошенько прицелившись в затаившегося косога, Макар затыкал уши ватой и, перекрестившись, бухал так оглушительно, что враз слетали со старой церкви вороны и галки, в соседних деревнях начинали молиться несознательные бабки в предчувствии скорой войны, а в райцентре охотовед Филкин, приложив ладонь к уху, говорил уважительно: «Макар, видать, зайца топчет».

И если не попадал в зайца полфунтовый заряд дробы, то все равно сдыхал он тут же на месте от разрыва сердца. Очень часто, снимая шкурку, никак не мог Макар найти хоть одну дырочку от дробины.

И вот, когда жажнул дед Макар посреди деревни из своей страшной гаубицы, список последствий оказался, невообразимо обширным. У Козловых досрочно опоросилась свинья, упала с печи в стиральную машину Макарова старуха, заработал вдруг неисправный телевизор у Беспалова, а сколько пришлось вставлять оконных стекол — не счесть того без районной ЭВМ! Но самое курьезное случилось из-за пристрастия деда Макара к черному дымному пороху. Когда его дробомет отрыгнул испугавшее бы даже Змея-Горыныча количество дыма, то всем остальным стрелкам пришлось из своих казавшихся теперь детскими пукалками ружей палить почти наугад, ибо не только приговоренного зайца, но и самой елки не стало видно из-за смрадного дыма.

И только сняв с себя пиджаки и куртки, смогли мужики «прорубить» небольшое оконце видности в бело-синей стене сгоревшего зелья. И видно было через такое оконце, как мчался по дороге в поле шальной заяц с обрывком веревки на шее — видать, впрямь чье-то ружье оказалось кучным.

То был первый случай в Макаровой пальбе, когда ушел от него без инфаркта косога, и это стало началом дикой и шkodливой жизни выросшего в деревне русака. Он словно поставил себе целью в жизни как можно больше напакостить и взбаламутить все вокруг себя.

Он мог влететь на скотный двор во время дойки молока и, насладившись зрелищем переполоха и опрокинутых бидонов с молоком, промчатся по деревенской улице и спрятаться там, где его меньше всего ожидали — под той елкой у магазина, к которой однажды был привязан Елистратовым. Он мог залечь в курятнике или

под крыльцом дома, до смерти пугая старушек и слабонервных селян своим неожиданным прыжком из-под ног.

Однажды Никанор, от жадности редко топивший свою баню, напросился к деду Макару в его каменку. Париться Никанор был большой любитель, а чтобы крепче проняло, он из парной бегал покататься прямо в снежном сугробе. В тот вечер Макар натопил так, что березовый лист сох и отваливался от веника. Никанор пропарил себя до малинового цвета и голышом кинулся за баньку — в сугроб. Тут же он почувствовал, что кто-то дико заверещал под его животом и полоснул, словно бритвой, ему кожу, аж круги пошли у Никанора перед глазами. Весь срамной и окровавленный, с дикими воплями «Караул! Нечистая!» влетел он в Макарову избу и до того напугал бабулю, что она, еще не совсем пришедшая в себя после падения с печи, кинулась на улицу звонить в релсус.

Прибежавшие с фонарями односельчане увидели за баней заячьи следы и лежку с опечатавшимися на ней туловищем Никанора.

Пастуха Никанора отпоили «Экстрой», но он с тех пор стал каким-то тихим, временами заикался. Не было страшной обиды для него, чем приглашение попариться «со снежком».

Другой жертвой шоковой эпидемии стал сам дед Макар. Темными сумерками крался однажды он на совхозное поле с мешком — срубить для себя кочанов, временами останавливаясь и входя в рассуждения о вреде воровства, с одной стороны, и о гниющей капусте — с другой. Родимые пятна прошлого проявили себя в конце концов с полной силой, и Макар со стоном кинулся на ближайший кочан. В жизни бываюот совершенно непредсказуемые совпадения. Например, Нинка — дочка заведующей селпо зашла однажды в райунивермаг и совершенно случайно увидела, как появилась в продаже дубленка ее размера и роста. А тут как раз в кармане были деньги в нужном количестве. В этакое можно бы еще поверить. Но чтобы во всем огромном поле случайно выбрать на вырубку кочан, под которым дремал хулиган-заяц? Если б не веревка, которую таскал на себе русак после «расстрела» у магазина и которую зацепил и сорвал Макар, защищаясь от сиганувшего ему прямо в лицо сонного косога, не было деду никакой веры, а тут — вещественное доказательство!

Немало крови попортил этот русак и Сереге. Дружный и вязкий смычок — русские гончие Тайга и Найда, известные на весь район, вдруг теряли уверенность и азарт, как только Серега ставил их на след Коськи, как прозвал он этого отчаянного зайца. Совершенно спокойно бежал Коська от собак прямо на скотный двор, оттуда — к механизаторам, по мазутным лужам и по большаку мог скакать перед едущим трактором, пока не теряли его след Тайга и Найда среди других пахучих запахов.

После такого гона собаки приходили домой совершенно бестолковые, растерянные и к вечеру начинали выть на луну и лаять без



причины, хотя Серега считал кощунством говорить на гончую, что она лает — полагалось бы «голос подает», — но тут действительно ничего, кроме дворняжкого лая, нельзя было услышать от затосковавших гончих. Начал всерьез бояться Серега за их собачий рассудок.

А тут еще Татьяна Беспалова после случая с опрокинутым молоком спросила, глядя на Серегу своими темными глазами, от которых сжималось сердце: «Ну что, Сереженька? Никак не поймаете этого хулигана?»

— Все, — решил про себя Серега, — нужно кончать с этим!

С чем «с этим» он еще и сам не понимал. То ли с Коськой, то ли с неизвестностью в отношениях с обожаемой им Татьяной, но, подумавши, определил программу-минимум: кинуть к ее ногам хулиганскую шкуру — вон, дескать, хвостик, можешь носик попудрить...

В ближайшее воскресенье, несмотря на жестокий мороз, Серега собрал всю деревенскую детвору и провел такой грамотный загон, что Коське некуда было деться, кроме как выйти на большак, где ждал его Серега. И чуть не затряслись Сергины руки, когда прямо на него пулей вылетел Коська, и без веревки Серега его узнал бы из тысячи. Чтобы выиграть дело наверняка, Серега дома перепроверил каждый патрон, разобрал и смазал ружейный замок. Но моментально вспотел он, когда понял, что слишком перестарался — замерзло масло в замке от дикого сегодняшнего мороза и не сработали курки. Кинул он шапку с досады в Коську да так и пошел домой...

И вот сегодня за стожком его ждала развязка слишком затянувшейся охоты. Тихо, как кот, крался Серега по мягкому, пушистому снегу, осторожно пробуя сначала сугробы, прежде чем поставить ногу. Вся деревня знала про его дуэль с Коськой, его уж и звать стали Серый — вроде как волка из мультфильма «Ну, погоди!». И не расслышал Серега, как губы сами прошептали это волчье заклинание и вся фигура его приняла хищные очертания.

Не подходя близко к стогу, Серега сделал круг, весь вздрагивая от шороха собственных шагов. Зайца не было видно, он сделал второй круг, третий. Порядочный заяц никогда не станет зарываться в сено, но от этого можно было всего ожидать. Серега разогналлся и с ходу опрокинул стожок, стал ружьем раскидывать копну, зорко глядя по сторонам. Коськи нигде не было. Неужто летать научился? И тут, взглянув нечаянно на свои следы, Серега понял, как его подло обманули и на этот раз. Пользуясь стожком, как экраном, Коська выбрал момент и быстренько по Сергиным следам метнулся в ельник. Где он был до этого — на копне, или, прячась, ходил кругом, так и осталось загадкой...

Солнце совсем уже поднялось, когда Серега подходил к дому. Он решил пройти задами, через огород, и, подходя к оврагу за их домом, вдруг онемел. На той стороне оврага лениво ковылял по тропинке

самый настоящий Коська. Немножко постояв и оглядевшись, он прыгнул в кладку напиленных и сложенных у Серегина плетня дров. Прыгнул так, что не оставил ни малейшего следа, ведущего к рядам поленниц. От такого нахальства, а может, и расчета Сереге стало не по себе. Прекрасно ведь знал Коська, что в этом доме живут две гончие собаки и охотник, почитавший его, Коську, личным врагом номер один. И еще лучше, вероятно, знал он, что никто не станет его искать именно здесь.

Мелькнула у Сереги мстительная мысль — подкрасться к дровам и обрушить ряд полен на Коську, завалив его наглухо. А потом потихоньку разобрать и вытащить живого за уши и обязательно посмотреть в Коськины нахальные глаза перед тем, как выпустить из него дух. Но, зная изворотливость и хитрость бедового зайца, махнул рукой Серега на эту затею и просто-напросто зашел в тыл своему супротивнику.

— Вот сейчас пальну ему в зад и точка! — решил Серега, но тут же передумал: не дело это — стрелять в спину.

И неожиданно для самого себя Серега свистнул резко и коротко. Как будто пружиной подкинуло Коську на самую вершину поленницы. Еще секунда, и мелькнет он уже на той стороне оврага, но Коська вдруг стал на задние лапы и обернулся к Сереге.

Не мог поверить своим глазам Серега — заяц улыбался ему: растянулся в улыбке рот, опустились уши, белели, как у малыша, два передних зуба. Не насмешливая или издевательская улыбка была на его морде! — лице, а добрая и озорная. Мигом представилось Сереге, насколько скучнее и бледнее станет в их деревне жизнь без этого веселого и шкодливого зайца, без всей той кутерьмы и суеты, которая поднималась вокруг него.

И никакая сила не могла уже заставить Серегу вставить приклад в плечо и хлестнуть третьим номером дробы по бывшему до сего времени его противнику.

В довершение всего — показалось ли ему, возможно, так же, как и улыбка, или то было на самом деле — вдруг как будто подмигнул ему Коська одним глазом и стрелой полетел к оврагу, нару раз перекувырнулся через голову под уклон и скрылся раньше, чем успела опасность поднятая им снежная пыль...

С легким сердцем, чему-то радуясь, и в то же время с чувством грусти шел Серега домой.

— Расскажу Татьяне, — думал он, оглядываясь в поле, где давно уже пропала, слилась с фоном серая точка, — она не засмеет, поймет. Должна понять!

Матвей Федорович явился с охоты домой без ружья и мрачный.

— Батюшки! Неужто нализался так, что ружье где-то забыл? — ужаснулась жена.

Ни слова не говоря, Матвей Федорович достал из рюкзака смятый чехол от ружья, молча кинул его жене и только после этого пробурчал:

— Они там пошли пить пиво с вяленой красноперкой, а я вот — без ружья и вечный загонщик...

И скупыми словами, чуть не со всхлипами и рыданиями поведал Матвей Федорович историю о том, как, нечаянно поддев мерзким рылом ремень, унес кабана его ружье, а сам он едва остался жив...

— Страсти по Матвею, — рассмеялся его зять, — ружье новое купишь, а вместо себя в загон робота пошлешь, я уж тебе сконструирую...

— Нет, ты погоди, — оживился Матвей Федорович, — ты не шути, я с тебя не слезу, пока мне загонщика не смастеришь. Сумел же на службе своей сделать робота-официанта, а для тестя небось руки отсохнут?

— Ну, ладно, ладно, — продолжал Матвей, глядя, как вытягивается лицо зятя, — я все железки сам изготовлю и соберу, ты мне схему обрисуй и электронику спай.

...Всю зиму, весну и лето в гараже стоял звон и шипенье автогена. Старая стиральная машина, бензопила, холодильник, испорченный магнитофон, автозапчасти навсегда теряли свою индивидуальность, чтобы воплотиться в универсального охотничьего робота-загонщика. Если блок памяти, автоматику и зрительно-осязательные датчики удалось использовать от действующего робота-официанта, то двигательную часть пришлось разрабатывать заново. Новый робот должен был уметь продирается сквозь кусты, перелезть через поваленное дерево, с помощью надуваемых пластиковых мешков штурмовать переправу и проходить по болотистой местности. И все это приводилось в действие небольшим бензиновым двигателем, который, правда, удалось сделать чрезвычайно экономичным и мощным.

Робот умел воспринимать звуки, анализировать их и, наоборот, синтезировать, когда хотел что-либо сказать. Зять Матвея Федоровича распалился от интересной работы и сделал робота анализатор запахов, так что в далеких охотничьих мечтах робот с успехом мог бы справляться с задачей гончей собаки. Причем его можно было бы настроить на запах только лишь зайца или, скажем, кабана. Матвей Федорович слезно упрашивал зятя сработать программу поиска кабана с запахом ружья.

Новый робот — ФДК-01 или, как его ласково прозвали, «Федька» — мог сверх того тащить тяжелый рюкзак, валить деревья, тушить пожары и вообще помогать по дому, что очень расположило к нему лучшую половину семьи Матвея Федоровича. В отсутствие мужчин кибер развлекал женщин пением романсов голосом Козловского и мог даже пригласить потанцевать.

Единственное, что вначале огорчало его создателей, — это поведение на улице. Выйдя в первый раз во двор, Федька учуял собаку, погнался за ней и бегал неумоимо двенадцать часов, пока не кончился бензин. Ему скорректировали анализатор запахов и образов на безразличие к собакам, но он стал вдруг гоняться за кошками и голубями. В конце концов его обучили терпимости к домашним животным. Но собаки, со своей стороны, злобно обливали его и не раз пытались цапнуть зубами Федькины железные мослы, видно, чувствовали в нем конкурента в борьбе за причастность к сословию «друг человека».

Первые полевые испытания принесли радости и огорчения. Легко преодолевая лесные препятствия, Федька быстро исчез и через два часа пригнал стадо коров и овец, успевая носиться с одного края стада на другой, чтобы животные не разбегались.

— Ага, можно его и пастухом определить! — закричал радостно зять. Он вытащил отвертку и произвел перенастройку блока распознавания образов.

Во второй раз Федька выгнал из леса выводок волчат, к великой досаде Матвея, который в суете и спешке работ еще не успел купить нового ружья. До открытия охотничьего сезона Федька «работал» по грибам и ягодам, мгновенно разыскивая бесчервивые боровики и подосиновники, хотя и здесь не обошлось без недоразумений. Иногда вдруг он хватал из чужих корзин белые грибы и мчался к хозяину. Матвей Федорович произвел ему словесные внушения, и грабежи в лесу прекратились.

Наконец пришла пора охоты по чернотропу. Матвея Федоровича наперебой приглашали в разные коллективы и в разные места, потому что охотиться в одном месте с Федькой было опасно — можно было истребить всю дичь начисто. Федька выставлял под выстрел лис и енотов, зайцев и кабанов, косуль и лосей, словом, ту дичь, на которую давались путевки и лицензии. Он уже научился облаивать белку и глухаря, делать стойку на бекасов, вальдшнепов и тетеревов, свистеть на манер рябчика. Один браконьер предлагал даже выменять Федьку на «Жигули» да еще в придачу давал катер.

Но Матвей Федорович только вошел в азарт, хотя и стал замечать за Федькой нехорошие дела. После удачной охоты, а охота с ним всегда была удачной, Федька стал травить анекдоты и врать напропалую.

— Во какого мы сегодня зайца со Свиридычем заповелевали,—



хвастал Федька и раздвигал руки. А поскольку сочленения у него были резиновые, то размах его рук был почти двухметровый.

— Восемнадцать килограмм весил, — продолжал врать Федька, не краснея ни одной сигнальной лампочкой.

Нотации Матвея Федоровича не возымели действия, Федька продолжал «заливать» в стороне от хозяина.

Дальше пошло еще хуже. Федька запил. После охоты он хлопал себя по коленкам и требовательно кричал:

— Давай по маленькой! Наливай!

Пил он исключительно чистый спирт и занюхивал маслеными тряпками, которые постоянно носил с собой в ремонтном ящике. На все укоризны Матвея Федоровича он угрюмо возражал:

— Мне спирт нужен для очистки серебряных контактов, смотри инструкцию по эксплуатации — пункт 4.2.18! А не нравится — давай разойдемся. Нашел себе дурака задарма вкалывать, меня уже хорошие люди давно приглашают на большие дела...

И скрипучим, ржавым голосом начинал песню про удалого Степана.

Матвей Федорович запер Федьку в чулане и послал телеграмму зятю, чтобы тот приезжал из командировки и размонтировал наглеца Федьку. Но зять долго не мог приехать, и запертый робот от скуки начал читать подряд все книги в библиотеке Матвея. Золя и Мопассан, Достоевский и Алексей Толстой, Пушкин и Купер заставляли кибера надолго задуматься. Но особенно нравились ему Тургенев, Пришвин и Аксаков. После этих книг он долго сидел у окна и смотрел через окно в зимний сад.

Весной Матвей Федорович вышел с Федькой погулять на пригретый солнцем бугорок. Федька стоял и смотрел кругом так, как будто видел все впервые, потом повернулся и протянул правый манипулятор Матвею Федоровичу.

— Прощай, Федорыч! Не могу я больше с тобой...

И он ушел, не оглядываясь, в темнеющий елями лес. Матвей ходил искать его на следующий день, думая, что Федька свалится, когда кончится бензин, но по следам увидел, что робот нашел брошенную механизаторами бочку с остатками горючего и заправился из нее, а пробку завинтил так крепко, как может это сделать только нечеловеческая рука.

Рассказывали, что видели его весной — он спасал зайцев, попавших в беду при наводнении. Лесник обнаружил как-то лося, застрявшего копытом меж сваленных на поляне бревен. Пока лесник ходил к егерю, кто-то раскидал завал бревен и освободил сохатого. Компания охотников, которая остановилась с ночевкой в лесу, выяснила утром, что из всех до единого патронов кто-то высыпал порох и дробь.

Беспризорные деревенские псы стали бояться разгуливать по

окрестным лугам и перелескам с намерением поймать и поживиться молодым зайчонком. Пастух Никанор видел самолично, как с истощенным визгом неслась разбойничья стая собак по дороге в деревню, а за ними с длинной хвостотиной мчался сердитый Федька.

В самое голодное зимнее время со скотного двора пропала тракторная телега с мороженой картошкой, которую нерадивые механизаторы забыли на улице.

От скотного двора в овраг за Сырой балкой тянулись следы колес телеги, там нашли сваленную картошку, которой с большим удовольствием питались истощенные кабаны.

Потом слухи о Федьке стали стихать, и Федорыч начал подозревать, что произошла какая-нибудь поломка в железном организме железного парня Федьки.

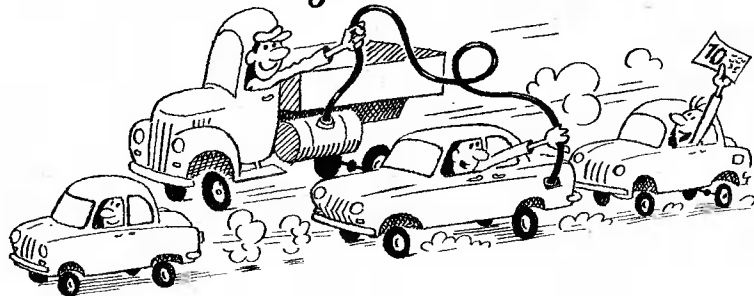
... Его нашли только следующей весной, когда стаял снег. Он лежал на боку, помятый от выпущенных в него пуль, несколько жаканов пробили насквозь его корпус, дробью были разбиты сигнальные лампочки и датчики.

По пулям было найдено ружье и его хозяин, который признался на следствии, что он загнал на насту лосиху и хотел уже прикончить ее, когда выскочил из кустов Федька и своим корпусом прикрыл лосиху от верной смерти. Разъяренный браконьер всадил все свои пули в железного робота.

На суде он упрямо требовал, чтобы его судили не за убийство, а за порчу имущества...



Река, текущая «налево»



1. Летучий голландец

От гулко-го стука упавшего в дверях кабинета тела вздрогнул и зажмурился начальник Саврасской городской автоколонны № 17 Прокопенко. Человек с диким взглядом и в жалком рубище быстро передвигался к нему на четвереньках с явным намерением лизнуть ботинок.

«Ишь, вырядился бичом,— тоскливо подумал Прокопенко, узнав в ободранце прораба СМУ-2 Б. Котогреева,— разжалобить хочет...»

— Христа ради! — истерически крикнул проситель. — Дай машину, Прокопенко, ящик стекла привезти. Жилой дом сдать не могу!

При упоминании о ящике начальник автоколонны поморщился. Что ему этот жалкий ящик! Вздорный груз! Ему нужны были тонны, много тонн. Помноженные на километры расстояний, они давали грузооборот — тонно-километры. Если набегало много тонно-километров, получалась зарплата, которая начислялась шоферам опять-таки с тонно-километров, премия и прочая икебана. Если грузооборот был мал, Прокопенко больно били.

— Слушай сюда,— плантаторским тоном начал Прокопенко. — Вчера давал я городской филармонии «газик», так они мне за то оформили в документах, что привезли восемьдесят тонн дирижерских палочек с Сахалина. Улавливаешь? Плевать я хотел на твой дом и стекло, ты подпиши мне, что мои машины Уральский хребет перевозили, тебе же и в план войдут земляные работы!

— Побойся бога, Прокопенко,— стонал прораб, заламывая руки,— любой ревизор в острог упрячет...

— Ну вот что, товарищ Котогреев,— холодно сказал Прокопенко,— нет у вас порядка на стройке, сплошная неразбериха. В прошлый раз моя машина привезла вам краску для дома, который еще проектировать не закончили, а потом возили панели для корпуса, который, как потом выяснилось, год назад построили. Не знали куда девать панели эти — домостроительный комбинат назад не берет, а на базу груженная машина по габаритам не проходит. Так и мыкался шофер полмесяца, в летучего голландца превратился. Или мне сообщить об этом в народный контроль?

Сникший Котогреев вынул платок и начал сморкаться.

— Ладно, ладно,— похлопал ставшего почти ручным клиента подобревший Прокопенко. — Нешто за приписки нынче судят? Пойдем во двор, прикрепим к тебе передовика...

2. Хозяин большой дороги

Несмотря на то, что рабочее утро было в разгаре, все поголовье автомобильного стада теснилось на территории автоколонны.

Из окошка кабины ближайшего грузовика торчали подошвы сапог, тело же самого шофера возлежало в кабине в позе султана, пресыщенным взором следящего за томными телодвижениями тружениц серала. Вокруг кабины вот уже полчаса мелким бесом вились Прокопенко с клиентом и диспетчер.

— Федь, а Федь,— ласковым голосом взывал начальник. — Съездил бы, а... Он тебе,— ткнул Прокопенко в сторону пугливого клиента,— и вторую езду припишет!

— Три,— задумчиво отвечал наконец Федор,— пушай три ездки нарисует! Кооперативную квартиру буду ладить!

— Хорошо, три, три! — захлопал в ладошки от радости начальник и незаметно ткнул в бок клиента: — Да кланяйся же, кланяйся, истукан!

— И чтоб по восемнадцать тонн туда и обратно было нарисовано,— нагнетал шофер, досадуя, что продешевил.

— У твоей, Феденька, машины грузоподъемность-то всего три тонны,— взметнулся было жалкий голос диспетчера.

— Щас как осерчаю! — пугнул Федор.

— Кыш, зануда! — замахнулся Прокопенко на диспетчера, — Ты его, Федюша, прости, он от жары совсем плохой. Поезжай себе с богом, будет тебе тонны.

— Вот он какой,— умиленно вздыхал начальник, глядя вслед Федору, выезжавшему из ворот автобазы на большую дорогу. — Куда ни поедет, а план всегда привезет!

3. Проблема сверхзвука

Слегка потрудившись у замороченного прораба, Федор возвращался в некотором раздвоении чувств. С одной стороны, транспортные накладные свидетельствовали, что ныне скромный труженик преодолел на своем грузовике звуковой барьер и даже стоял где-то на пороге покорения световой скорости. С другой стороны — мучила угроза захлебнуться бензином.

С горючим вообще в автоколонне была беда, если не катастрофа. Бензин и солярка выдавались в расчете на «добытые» у клиента километры, и лучшие рационализаторы отчаянно бились над проблемой: куда деть неиспользованное горючее? Раньше его сливали в ближний овраг, но забывший внезапно фонтан высокооктановой жидкости в низовьях оврага озадачил местных геологов, и слив было велено прекратить...

И, по правде сказать, не в одном лишь Савраске возникали проблемы с горючкой, но каждый решал их доморощенно ввиду отсутствия централизованного подхода. В «Сельстрое», например, списывали бензина на 250 тысяч литров больше, чем получали его на нефтебазе. В Савраской «Сельхозтехнике» горючим топили печи котельных, а в Соловейковской автоколонне № 1307 умельцы пошли далее всех — был ими успешно внедрен «сверхэкономичный» двигатель, дающий при нынешних драконовских мерах по нормированию бензина неслыханную экономию в 70%. Попросту говоря, талоны на оставшийся от приписок бензин сдавали опять на автобазу, имея в виду сотенные премии за «сверхэкономую».

Но по каким-то причинам не был этот опыт широко распространен, и оставалась у Федора одна лишь дорога для сбыта талонов на шестнадцать тонн горючего.

4. Роскошь — это бензин!

Не сразу нашел свое место в жизни нынешний оператор Савраской автозаправочной станции Генрих Нечитайло.

— Автомобиль — это не роскошь, — смекнул как-то Нечитайло, пристально вглядевшись в изгибы фортуны, — роскошь — это бензин!

И, закопавши в землю диплом кандидата технических наук, обнаружился впоследствии Нечитайло в сфере бензинного сервиса.

— Ну, ну, осадил! — сурово покрикивал он владельцам частных автомашин, предварительно оглядевши тщательным образом окрестности АЗС. — Заправляйся вон в той колонке, где бензин отпускается для государственного транспорта.

И белыми перстами с двухкратными бриллиантами складывал отдельной кучкою банкноты, полученные от продажи «казенного» горючего. Нехватку проданного бензина Генрих Нечитайло возмещал

талонами, которые прилаждался скупать у плутоватых шоферов чуть ли не по весу, как макулатуру.

— Хозяин, — стался время от времени у окошка АЗС свистящий шепот, — купи талонов, тридцатку за тонну...

5. Последняя просьба

— Беркут, Беркут! Я — Кобра! — хрипловато шелестел эфир. — Продолжаю наблюдение за объектом. «Профессор» купил «макулатуру» у семи клиентов и отпустил за наличные «керосин» сорока трем частным лицам. Передаю номера их экипажей. Какие будут указания?

— Кобра, Кобра! Я — Беркут! Через полчаса — у «Профессора» конец смены. Взять с личным. — Голос майора ОБХСС неожиданно дрогнул: — Смотри, сынок, не рискуй понапрасну, береги себя. Не кури публикации от бензина...

— Товарищ майор, — взволнованно отвечала «Кобра», почувствовав неуставную слабость в голосе начальника. — Если что случится... я хотел бы передать последнюю просьбу. Поставьте на каждой АЗС нашего человека для открытого демонстративного наблюдения. Сколько раз ни проводил я такие операции, результат был поразительно одинаков — на треть сокращается количество бензина, отпущенного через колонки для государственного транспорта, и ровно настолько же возрастает количество проданного горючего для частных...

— Я понял тебя, сынок, — ты очень добр к людям. Но разве в этом дело?

6. В чем же дело...

— Дело в том, — горячился уже немолодой майор ОБХСС, — что из-за приписок грузооборота в автохозяйствах остается много неиспользованного горючего. И миллионы тонн бензина уходят «налево» — владельцам индивидуального транспорта.

Участники совещания за круглым редакционным столом «Крокодила», где шла речь о приписках и потерях горючего, печально вздохнули, хотя все так или иначе представляли себе последствия погони автохозяйств за тонно-километрами.

— Никто не заставляет на заводе, чтобы станки делали по миллиону оборотов за день, — взял слово директор НИИ автотранспорта В. Петров, — задача станка — изготовление детали. Почему же от автомобиля требуют накрученных тонно-километров, а не оценивают его по вкладу в конечный результат? Из-за бессмысленной гонки за километрами автотранспорт теряет миллиарды рублей в год. Не только горючее, но и сами автомобили списываются по километражу. И если километры «липовые», то можно выбросить или раскулачить на запчасти новенькую машину...

— В прошлом году,— заметил молодой следователь,— в «Сельхозтехнике» списали в два раза больше машин, чем в предыдущем!

— Автохозяйствам нужно,— продолжал В. Петров,— вместо валовых показателей — тонно-километров — планировать показатели качества обслуживания отраслей народного хозяйства.

И участники совещания рассказали об успешных экспериментах в автохозяйствах Москвы и Белоруссии, где автотранспортникам оказалось выгодным не «наращивать грузооборот», а скорее даже сокращать его в интересах клиента.

А в конце совещания держали речь плановики.

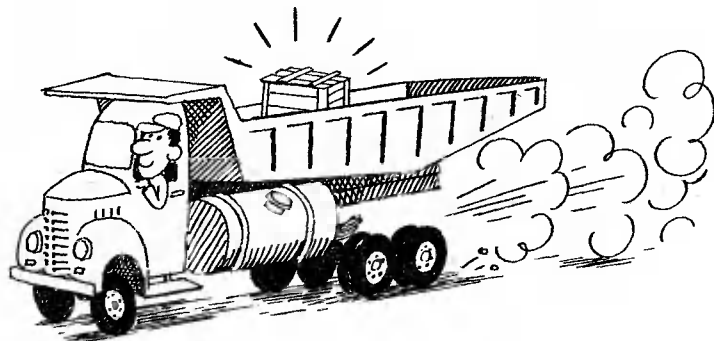
— Централизация перевозок и сокращение расходования топлива,— сказали они,— главные проблемы автотранспорта, и мы подготовили документ, направленный на улучшение его работы...

* * *

— Хозяин,— наклонился было Федор к окошку Саврасской АЗС и резко отпрянул: двое молодых людей мягко, но решительно вели под локоть оператора Нечитайло к дверям довольно герметичной машины.

...«Сверхзвуковой» грузовик Федора шустро бежал по магистрали, рядом с шофером подпрыгивала сумка, набитая неиспользованными талонами. Дорога, залитая солнцем и мерцающая от раскаленного воздуха, казалась рекой чистого бензина.

Рекой, текущей, как и дорога, куда-то «налево».



1. След взят!

Трое подозреваемых угрюмо переступали с ноги на ногу. Одного из них била нервная дрожь, он упорно прятал глаза.

«Кто же из этих троих злодей,— терялся в догадках Следователь,— среди бела дня похитивший с витрины магазина пару туфель? И ведь какое изощренное преступление — не тронул башмаки заграничного производства, а взял почему-то наши... Что за этим кроется?..»

Замешательство еще больше усилилось, как только все витринные образцы были поставлены на стол Следователя. Глянув на отечественную обувь, он вздрогнул и побледнел. Не раз ему приходилось выбивать из бандитской руки пистолет или финку, вскакивать на подножку встречной машины и прыгать без парашюта. Был даже случай, когда пришлось отведать консервов «Завтрак туриста». И до сих пор выдержка и самообладание не изменяли ему. Но вот теперь он с содроганием глядел на отечественную обувь.

Тот, который мелко сучил руками, казалось бы, выпадал из круга подозреваемых. Но при обыске у него нашли странные документы, среди которых был и такой. «10 июня в уткинском обувном магазине № 5,— говорилось там,— из 665 пар сапог и полуботинок, изготовленных местными обувщиками, 465 пар были забракованы напрочь...»

Необузданная интуиция Следователя подсказывала, что тут есть наводка на след. Впрочем, осмотр башмаков улики не прибавил.

Осыпавшаяся краска со скверно обработанной кожи не позволяла определить даже изготовителя. Хотя Знак качества в общем-то просматривался.

Дрогнули и эксперты.

— Нет, — сказали они, — нынче такая близнецовость моделей, что по внешнему виду нельзя достоверно назвать изготовителя. А у преступника скорей всего дефект зрения: только слепой мог похитить эту мерзость, стоявшую в окружении импортной обуви. Такой случай был в практике...

— Не думаю, — покачал головой Следователь, который на самом деле думал, и думал интересно, по-современному. — Тут напрашивается другое. Необычность кражи и патологическая страсть к браку, — он потряс странными документами, — говорят об изворотливом и коварном характере преступника. Чтобы понять мотивы кражи, я должен встать на его место. Пусть мне назовут предприятия, выпускающие скверную обувь, я поеду туда исследовать вопрос на месте!

2. Привидения в объединениях

— Как приедешь, сынок, в незнакомый город, — напутствовал молодого Следователя седой генерал, — первым делом влезь на каланчу. Оглядишься окрест себя и выбери самое захудалое в городе здание. Это и будет обувная фабрика.

Он был тысячу раз прав, этот суровой закалки генерал. Казалось, какое-то роковое проклятие лежит на всех сапожных помещениях.

На головном предприятии Вашкирского обувного объединения можно без бутафорской подготовки снимать фильм из жизни привидений, точнее, о коммунальных неудобствах их жизни. Даже иные столичные мануфактуры вызывают легкий озноб казематными мотивами своей архитектуры.

Дряхлое здание Ветского кожевенно-обувного предприятия, куда в конце концов прибыл Следователь, было выстроено фабрикантом Вахрушевым чуть позднее наполеоновского нашествия, но чуть раньше отмены крепостного права. И не только внешний вид, но и, пожалуй, интерьер комбината местами давал полное подтверждение этому. Ветхость сантехнического оборудования наводила на мысль, что куплено оно совсем не на последней международной ярмарке. Парилок и душевых вовсе не было, поскольку Вахрушев не предусмотрел их в своем проекте.

А в цехе разделки кож стошнило бы, пожалуй, даже далекого предка гренландца, взлелеянного на тухлой рыбе. И хотя есть там некоторый минимум машин, но стирания грани между физическим трудом и очень тяжелым физическим трудом здесь полностью еще не

случилось. Это так только говорится — легкая промышленность, она весьма и весьма еще тяжела.

— Наша служба и опасна и трудна, — как всегда, зорко подметил Следователь, — но и тут не сахар... И как они в этих условиях ухитряются делать такую мировую продукцию?

Он стоял в ассортиментном кабинете комбината и тихо млеял от радости, разглядывая эталонные женские сапоги из эластичной хромовой кожи на изящной полиуретановой подошве, которая сама по себе гарантирует уже половину покупательского успеха. Окончательно его добили роскошные мужские сапоги мехом наружу.

— Вот такие бы зимой в засаду надеть, — размечтался было вслух Следователь, но радость его быстро съезжилась, как только он вошел в пошивочные цеха...

3. Покойники на конвейере

На потоке шла обувь, широко известная многим рыбакам-удильщикам по частой попадаемости на крючок. Мрачного цвета полуботинки, туфли с траурной каемкой микропорки на подошве, сапоги-чулки из модного десяти лет тому назад фловей-лака создавали надежный резерв не реализуемой в торговле обуви. В иных районах страны резерв этот не сокращался месяцами.

— Может, так и надо? — спросил вслух Следователь. — Может, стиль «ретро» не выйдет из моды в будущем и это все станет острейшим дефицитом, как стал в свое время популярным давно забытый русский сапожок?

— Нет, — ответил ему главный инженер комбината. — Так не надо. Но у нас есть валовой план — в миллионах пар обуви. Это страшная гильотина — миллионы пар. И вы учтите, что мы, современные обувщики, в основном сборщики: собираем обувь из сырья, которое дают смежники.

И выяснилось тут, что смежники чаще всего не дают. Надули ветских сапожников химики — поставили всего лишь треть требуемых полиуретановых подошв. А кожевники шлют «леопардовые» кожи — пятнами осыпается краска. Текстильщики и фурнитурщики также не жалуют.

И, краснея от стыда, руководство дает команду: пошивать покойнички тапочки, страшные в своей простоте и предназначении. Эти тапочки помогут выполнить вал — план по миллионам пар. Или начинают лепить к подошве из мрачной микропорки натуральную кожу, ставшую острейшим дефицитом во всем мире. А микропорка технологически настолько трудоемка, что уже нет времени на шлифовочно-отделочные операции.

И людей нет на эти операции. Люди в основном уходят с обувного производства. Скудные средства, отпущенные ветским обувщикам на

строительство жилья, опять урезали, своих домов отдыха и пионерских лагерей тоже нет. А рядом — могучие индустриальные соседи, у которых в цехах внедряется НОТ и гавайский микроклимат, а на собственной полоске черноморского пляжа — виндсерфинг. Поэтому неудивительно, что сверхтекучесть благородного газа гелия тускнеет по сравнению со сверхтекучестью обувных кадров...

4. Брак по-итальянски

— Но не может быть, — как всегда, безукоризненно логично резюмировал Следователь, уже много дней подряд шедший по следу преступника в разных городах и весях, — не может быть, чтобы обувщики были только жертвами бессовестных поставщиков и разного рода обстоятельств. Многое, наверное, зависит и от них самих.

И вспомнилось ему ереванское объединение «Масис», работающее, как и все, в условиях снабженческого произвола и убогого качества сырья. Но любая женщина, надевшая туфли или сапожки ереванского производства, может быть уверена, что ей обязательно оглянутся вослед. Даже особо изящную и модную обувь ереванцы поставили на поток, и за три последних года на их продукцию не было ни единой рекламации. Да и вообще процент брака в среднем там в пять раз ниже, чем по отрасли.

Немногим, кажется, «Масис» отличается от других объединений — собственный Дом моделей, сквозной бригадный метод производства, самостоятельный отдел управления качеством. Но в сочетании с умением молниеносно перестраиваться это позволяет выпускать изумительную обувь. А начинало объединение свою деятельность с положения, которое даже оптимист не рискнул бы назвать плачевным. Нынешние же цехи головного предприятия «Масис» по чистоте и уюту напоминают санаторные корпуса. Даже фонтанчик колодезной, а не обыкновенной, из-под крана воды в цеху говорит о постоянном и заботливом внимании к сапожным дел труженикам.

И во дворе, у проходной, рабочих встречает скульптурный ансамбль, посвященный не традиционной девушке с веслом, а древнему искусству сапожника. Единственный, пожалуй, памятник Сапожнику если не в мире, то, во всяком случае, в стране.

Большую заботу о тружениках Следователь видел и на другом оазисном предприятии — московской фабрике «Парижская коммуна». В лучших цехах этой фабрики, где царствуют автоматические линии, где электроника управляет почти всеми процессами, пора было, по его мнению, вводить специальные физические упражнения для предотвращения гиподинамии.

Фабрика имеет свои фирменные магазины, через которые чутко прослушивает пульс покупательского спроса. И не случайно одна

итальянка буржуазного сословия, примеряя сапоги «Парижской коммуны», вздохнула: «Вот есть у меня дома достаточно сапожек, а все равно куплю еще эти! Что значит фирма!»

И снова готов был засветиться тихой радостью Следователь и в пояс поклониться машиностроителям за такие чудесные линии на московской фабрике, но выяснилось тут, что те линии закуплены в Италии, а родные машиностроители дают обувщикам такой жалкий мизер, что и ругать-то, собственно, их не за что.

Даже коробки для упаковки сходящих с линии сапожек привезены из Италии. Отечественные бумажники жалуют обувщиков, да и то скудно, только коробками из картона марки «Г», которые мнутся и разваливаются при первой же погрузке, отчего обувь приобретает кондицию, именуемую «вмятку».

В Италии это считалось бы неслыханным браком, браком по-итальянски, потому упаковку там делают из мелованного картона с особыми пупырчатыми прокладками для несминаемости обуви.

5. Тонкая месть

«И вообще у них модель появляется на прилавке через два месяца после ее задумки, — размышлял Следователь, возвращаясь в свой кабинет после длительной командировки. — А у нас на это уходит два-три года. Не потому ли такая унылость внешнего вида и постоянная запоздалость моды?»

— Товарищ лейтенант, — радостно встретил его помощник в дверях, — есть новые данные! На квартире нервного гражданина найдена жуткая коллекция бракованной обуви — элитный, так сказать, брак. Правда, все женская обувь... Я приказал доставить подозреваемого на допрос.

Доля секунды потребовалась Следователю, чтобы собрать в кулак волю, интуицию и интеллект. Лицо его внезапно просветлело.

— Вы женаты? — спросил он ничего не подозревающего преступника. — И теща, наверное, есть? Я, кажется, понял, почему вы украли...

— Да! — внезапно вскричал преступник, перехватывая инициативу. — Я украл эту обувь, чтобы подарить ее теще! В порядке личной мести. Пусть окружающие подтвердят, что я сам сознался. Это смягчит мою участь. О! Это была тонкая месть — отказаться ей неудобно, а носить невыносимо. К тому же и — позору-то! — краденая. Дайте закурить, гражданин начальник...

Когда преступника увели в казенное помещение, Следователь устал от потер виски.

— Вот все же не могу я взять в толк, — задумчиво молвил он, глядя на свои туфли, — погоня за валом, нехватка сырья и оборудования, происки торговли, текучесть или картон с неудобопроизносимой

маркой — что же все-таки есть главная причина убогости моих башмаков? Разобраться в этом, пожалуй, под силу только компьютеру, умеющему делать миллион операций в секунду.

И он достал из кармана микрокалькулятор, сконструированный им в свободное от погони время.

— Не вычленил здесь главного, — высветилось на экране карманной ЭВМ. — Если нет современного оборудования, то архитрудно перестроиться на новую модель. Значит, унылая обувь, возвраты, ущерб в заработке. И тогда — текучесть и невыполнение вала. А если нехватка сырья и валовые показатели войдут гильотиной, то начинает идти халтура.

И, покопавшись в ячейках своей памяти, микрокалькулятор извлек строки из прошлого:

«ДВЕСТИ МУЖЕЙ С ГОРДЫМИ УЛЫБКАМИ ПРИШЛИ ДОМОИ И ПРОТЯНУЛИ ЖЕНАМ ДВЕСТИ КОРОБОК.

ДВЕСТИ ЖЕН, ЕДВА ВЗГЛЯНУВ НА КОРОБКИ, ВОСКЛИКНУЛИ:

— МИЛЫЙ! ДОСТАЛ! НЕ ФРАНЦУЗСКИЕ, НЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ, НЕ ШВЕДСКИЕ, А НАШИ, ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ! О СЧАСТЬЕ!!! ДВЕСТИ ПОЦЕЛУЕВ ГРЯНУЛИ, КАК ДВЕСТИ МАЛЕНЬКИХ ДОМАШНИХ САЛЮТОВ».

Это — воспоминания о будущем. Так писал еще в 1971 году Крокодил с надеждой на скорое исцеление обувных недугов. Видно, время поцелуев еще не настало...

— А может ли ЭВМ заглянуть в будущее? — подумал Следователь и с помощью хитроумных комбинаций с кнопками добился-таки информации из Предстоящего:

«ХИМИКИ, ТЕКСТИЛЬЩИКИ, БУМАЖНИКИ, МАШИНОСТРОИТЕЛИ, СОБРАВШИЕСЯ ВМЕСТЕ С ОБУВЩИКАМИ И ОБСУДИВ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ С ПРОИЗВОДСТВОМ ОБУВИ, ПОСТАНОВИЛИ:

1) ИСКОРЕНИТЬ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ НА ОБУВНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАК НА ПАДЧЕРИЦУ И ПОПРОШАЙКУ.

2) СМЕЖНИКОВ, НЕ ПОСТАВЛЯЮЩИХ СЫРЬЕ И ОБОРУДОВАНИЕ ОБУВЩИКАМ ВОВРЕМЯ, ОБЯЗАТЬ ХОДИТЬ КРУГЛЫЙ ГОД БОСИКОМ, А СМЕЖНИКОВ-РЕЦИДИВИСТОВ — В ОБУВКЕ ИЗ «ЭЛИТНОЙ» КОЛЛЕКЦИИ.

3) ПОСТОЯННО ТЕРЗАТЬ ОБУВЩИКОВ, ПРЕДЛАГАЯ ИМ НОВИНКИ СЫРЬЯ, ФУРНИТУРЫ И ДРУГИХ КОМПЛЕКТУЮЩИХ.

4) ЗАСТАВИТЬ ОБУВЩИКОВ РАСХОДОВАТЬ СЫРЬЕ ТОЛЬКО НА КАЧЕСТВЕННУЮ МОДНУЮ, РАБОЧУЮ, ТУРИСТИЧЕСКУЮ, ДОМАШНЮЮ, ТЕПЛУЮ И ДЕТСКУЮ ОБУВЬ. А ТАКЖЕ СОКРАТИТЬ СРОК СОЗДАНИЯ МОДЕЛИ С ДВУХ ЛЕТ ДО ДВУХ МЕСЯЦЕВ.

ПЛАНОВЫЕ ОРГАНЫ ЗАВЕРИЛИ, ЧТО РАЗУМНО СКООРДИНИРУЮТ СЫРЬЕ С КОЛИЧЕСТВОМ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОЙ ОБУВИ».

— Это обязательно будет, — мигнула на прощание мини-ЭВМ, — вот только точный срок трудно назвать...



СО Д Е Р Ж А Н И Е

Осечка	3
Шабаш нечистых	6
Последнее мокрое дело	13
На дне	18
Понедельник начинается в субботу	19
Коськина амнистия	24
Железный парень	31
Река, текущая «налево»	36
Сапоги «вмятку» или брак по-итальянски	41

СТАНИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕСТОВ

СПАСИТЕ НАШИ ТУШИ!

. Редактор С. С. С п а с с к и й.
Техн. редактор С. М. В а й с б о р д.

Сдано в набор 19.10.83 г. Подписано к печати 21.12.83 г.
А 02827. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,91. Тираж 75 000.
Изд. № 3. Заказ № 1595. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Так уж случилось, что, будучи по образованию физиком, автора угораздило стать как бы лириком. И со временем, изучая окружающий мир и самого себя, автор пришел к выводу, что это раздвоение не единственное.

С одной стороны, автор обожает природу — цветочки, ягодки, птичек и зверушек, а с другой — эту природу как бы уничтожает, время от времени собирая цветочки, кушая ягодки и добывая на охоте зверушек.

Вот и в этой книжке автор собирался воспеть самую древнюю страсть человеческую — охоту, а также самых правдивых рассказчиков — охотников, да вышло как бы наоборот — сплошь браконьеры и вруны, несущие дичь.

Впрочем, автор вовремя спохватился. И во второй части книжки «лирические» рассказы уступили место «экономическим» фельетонам.

Автор обещает впредь подобного не допускать.